

Шоу просвещенного патриотизма

Андрей Добров считает себя последним аналитиком на телевидении

Независимая пресса - 2004
8 окт. - с. 16.

Сергей Варшавчик

Характерной деталью состояния нынешнего телевидения является практическое отсутствие аналитических программ в их традиционном понимании. Новое время выдвигает новых героев. Об этом мы беседуем с ведущим программы «Главная тема» (Третий канал) Андреем Добровым.

По данным Gallup media, по Москве среди информационно-аналитических программ ты идешь в основном на третьем месте, после Первого канала и «России», временами опережая REN-TV и ТВЦ. В чем, на твой взгляд, причина такого рывка?

– Правильный проект. Возможно, общество нуждается в хорошей порции просвещенного патриотизма.

– Что ты понимаешь под этим термином?

– Многие журналисты стоят на позиции общечеловеческих ценностей. По большому счету они одинаково эффективно могут работать в России, в Африке, в Европе и на Луне. Я русский журналист. Это значит, что я не стою на наднациональной позиции.

– А что собой представляет национальная позиция, на которой ты стоишь?

– Вот происходит теракт в Беслане. О чем пишут европейские журналисты? Они начинают ругать режим Путина, который довел бедных сепаратистов до таких крайностей, как расстрел детей. О чем говорю я? О том, что единственная вещь, которая позволит нам противостоять террору, это не мстить, а сострадать. Сострадание – та вещь, которая должна объединить Россию для того, чтобы она не развалилась. Когда произошла эта трагедия, все люди, неважно – татарин ты, русский или калмык, были объединены одним

Андрею Доброву важно поставить перед зрителем вопрос.

Фото Артема Чернова (ИГ-фото)

чувством сострадания. И мне важно было выгнать это чувство и сказать: вот оно – главное.

– Почему ты от «Дольче-Виты» пришел к политической программе?

– Изложу две версии. Официальная. Через «Дольче-Виту» я просто вернулся в телевизионную журналистику и к определенному имиджу – не мальчиком, но мужем. А неофициальная – в какой-то момент каналу потребовался политический обозреватель.

– Считаешь ли ты себя главным аналитиком Третьего канала?

– Других аналитиков на Третьем канале нет. Мало того, и на российском телевидении аналитиков осталось не очень много. Поэтому в принципе я – один из последних аналитиков на телевидении.

– Насколько влияет на тебя «линия партии» главного акционера канала Сергея Пугачева? Насколько ты свободен в своем анализе событий?

– Я не знаком, к сожалению, с советом директоров. Насколько я свободен – это видно по программе. При этом от меня не стоит ждать аналитики в ее либеральном понимании. Для меня не существует чистой политики или чистой политологии. Меня больше интересует, например, почему правительство, которое должно делать людям лучше, лучше им не делает? Но это не только политический или экономический вопрос – это еще и вопрос моральный. Я не люблю слово «доколе».

– Твоя программа называется «Главная тема». А из чего определяется главная тема?

– Это авторская программа, а потому главная тема определяется из моего взгляда на сегодняшний день. И, конечно же, из точек зрения моих коллег...

– Из советов с руководством...

– У нас, понимаешь, небольшая телекомпания. Если на большом федеральном канале для автора программы руководство – это очень далекое начальство, до которого нужно неделю доходить, то мы запросто можем встречаться каждый день за чашкой кофе.

– То есть ты с Петром Толстым с утра обсуждаешь за чашкой кофе тему программы?

– Я прихожу к начальству тогда, когда у меня возникают проблемы, какие-то сложности. Или когда я хочу что-то вернуть, придумать что-то новое. Тогда мы садимся и доворачиваем.

– Андрей, ты считаешь это аналитиком?

– Не сказал бы. Возможно, это выглядит как аналитика. Аналитика на телевидении обязана быть шоу. Ну, вот Киселев занимался аналитикой, Парфенов занимался аналитикой. И что получилось в результате? «Намедни». Хорошо сделанная политико-развлекательная программа.

– Ты против развлекательности?

– Нет. Пусть расцветают сто цветов, как говорил Мао Цзэдун. Для меня важнее даже не анализ ради анализа. Важнее другое – поставить перед зрителем, перед обществом вопрос. Одна передача – одна идея. И если я попаду в точку, в обсуждаемую проблему – тогда рейтинг становится высоким. Если не попаду – рейтинг остается низким. Как только я задаю тему, предлагаю какой-то поворот, который людям неинтересен, рейтинг начинает падать.

– Или какие же темы вызывают интерес у зрителя?

– Те, что касаются лично их. Например, можно делать сколь угодно интересную передачу о предвыборной борьбе на Украине, но рейтинг будет низким – эта тема большинству неинтересна. При том что для России она очень важна. Или другой пример – закон о запрете на ношение во французских школах мусульманских платков-хиджа-

бов. Падение рейтинга. А вот законопроект о разрешении скрытого ношения оружия для самозащиты – резкий подъем рейтинга. Честно говоря, я не всегда могу сказать, какие именно темы интересны зрителю.

– А что ты скажешь о современном российском телевидении? Почему так мало аналитических программ?

– Ну, политики мало, вот и программ мало.

– А почему политики мало?

– Потому что никому не нужна политика.

– Раньше была нужна, а последние четыре года, стало быть, не нужна?

– Раньше культивировалась политическая система, при которой было большое количество различных оппозиционных сил. Считалось, что мы обязательно должны иметь левую оппозицию, правую оппозицию, центр и т.д.

– Логично, как и у других стран.

– Но дело в том, что в этих странах такие социальные устройства и такая политическая система существовала довольно давно. В России опыт такого устройства насчитывает всего несколько лет. Вообще нравится нам или нет, но Россия – традиционная монархия. Либо наследственная, как при Рюриковичах и Романовых, либо выборная, как при Годунове и Шуйском и советских лидерах. Я сейчас как раз изучаю конец XVI века в России – время, когда мы применили польский вариант выборной монархии.

– Или назначит, как Ельцин, преемника. Которого телевидение, которое ты представляешь, поддержит. Система сохранилась.

– Выборы в США, кстати, идут по такому же принципу преемника. Та же преемственность власти. Только борьба идет между двумя преемниками, но в ней все равно нет людей со стороны, нет третьего кандидата.

– В отличие от нас там есть равновесие элит.

– Там есть две большие партии. У нас на данный момент есть одна большая партия – «Единая Россия». Второй равновеликой партии нет. Коммунистическая партия оказалась очень маленькой и раздробленной. Поэтому мы не можем играть в американскую демократию и в систему двух преемников.

– Судя по всему, ты тоже исповедуешь модные сейчас на телевидении антиамериканские настроения?

– Приведу небольшой пример. Грузия. Брамидзе, грузинский министр обороны, едет в США и договаривается об оказании финансовой помощи грузинской армии. Известный факт, что именно американцы обучают грузинский спецназ. США заявляют, что никогда не признают Абхазию и т.д.

– Значит, опять гидра империализма поднимает голову?

– Откровенно говоря, она ее никогда и не опускала. Это мы делали вид, что сейчас у нас с Америкой все хорошо. А в Америке тоже не один дядя Буш живет, который хорошо относится к нашей стране. Просто мы из-за нашего незнания американских политических реалий пользуемся упрощенными терминами и упрощенными понятиями. Гидра-шмидра, друзья-враги. Там существует большое количество различных течений, в том числе существуют такие консервативные, сильно республиканские сообщества, которые рассматривают роль США в мире не только как мирового лидера, но и как международного полицейского. И между прочим, это все люди, занимающие ответственные посты.

– С приходом Владимира Путина роль телевидения значительно уменьшилась. Сначала разогнали старое НТВ, потом ТВ-6, затем ТВС. Что представляет из себя, на твой взгляд, телевидение сейчас? Четвертую власть или «ящик для идиотов»?

– Я не задумываюсь над такими вопросами, поскольку в отличие от многих моих коллег-журналистов у меня несколько специальностей. У меня есть своя музыкальная группа, я могу писать книги. Могу работать в пиаре. Могу – на радио и в газете (я вообще по образованию газетный журналист). Именно это позволяет мне вообще не думать о том, что происходит на телевидении. Я рад тому, что у меня есть возможность каждый день быть столь свободно разговаривать с полумиллионом человек.

Часто на следующее утро я уже забываю, о чем говорил предыдущим вечером – слишком большой поток информации

– То есть идет война и нам надо теснее сплотиться вокруг гаранта Конституции?

– Нет. Я говорю о том, что важнее всех наших политических убеждений в этот момент – сострадание. Сплочение не через ненависть, а через сочувствие. Чувовищная жестокость может породить в нас великое сопереживание. Естественное чувство, которое может объединить страну – только так мы сможем удерживать мир и в Осетии с Ингушетией, и в Чечне, и в Дагестане.

– А какой, по-твоему, рецепт решения чеченской проблемы?

– Мне кажется, что для начала надо Ельцина отдать под суд. За Чечню, за внутреннюю политику, за расстрел Белого дома, за экономический эксперимент, и в первую очередь за то, что, будучи президентом России, он допустил развал державы, которую не он собирал, поливая буквально каждый метр кровью.

– То есть к Путину, как я понимаю, ты относишься значительно мягче.

– Когда тебе на руки дают больного ребенка и говорят: «Лечи его», его надо как-то лечить. Так и Путину вручили страну, кото-

рая харкала кровью и закатывала глазки. И что – сейчас хуже, чем при Ельцине? Но в России, при всей нашей декларируемой вере в доброго царя, ни у одного из правителей не было однозначно хорошего имиджа. Любое действие власти всегда рассматривается не только с добродетельной стороны. Если не ошибаюсь, еще Александр Третий сказал, что Россией управлять можно, но это совершенно бесполезно.

– Почему ты от «Дольче-Виты» пришел к политической программе?

– Изложу две версии. Официальная. Через «Дольче-Виту» я просто вернулся в телевизионную журналистику и к определенному имиджу – не мальчиком, но мужем. А неофициальная – в какой-то момент каналу потребовался политический обозреватель.